

ственная после армавирского периода встреча Л.Ф. Дмитриевского с М.В. Нестеровым состоялась в Москве в квартире художника где отец Леонид останавливался всего лишь на одну ночь по пути возвращения из каргопольской ссылки.

НИКТО ИЗ НАС НЕ ПРЕДАСТ ХРИСТА

Как же мне хотелось к концу Великого поста написать что-то светлое.

Что не пролетел он как обычно впопыхах и никчемной суете, и я хоть на шаг, но приблизилась к Богу. Что я не просто не ела мяса, клала поклоны и читала правило, а открыла свою душу и впустила туда Спасителя.

Что я не только стояла в церкви на длинных службах, тайком любясь собой, а взглянула на человека, который меня раздражает, – вонючего бомжа, алкаша, неверующего члена семьи, да кого угодно, – и вдруг увидела в нем Его. Его! Чистого и прекрасного! И что теперь я, ликуя, могу крикнуть: «Христос Воскресе!» А мне ответят: «Воистину воскрес!» Нет, Он, конечно, воскрес, иначе бессмысленно все. И я крикну это с радостью и трепетом.

Я хотела чувствовать, что живо мое сердце, и я не зря пошла...

...Шла Литургия Великого Четверга. Я собиралась причаститься и, пробравшись через толпы народа почти к самому алтарю, затаив дыхание, вслушивалась в слова молитв.

Я знала, что опять за пост потерпела поражение по всем фронтам. Но может хоть сейчас, в эти дни, когда вот-вот произойдет страшное, и Христос, которого я так люблю, пойдет за меня на жуткую смерть, я возьму себя в руки и стану – не достойной этого, нет... Это невозможно. Но хотя бы немного чище. А еще я слушала про Иуду и думала, что какая бы я не была, я никогда не предаю Спасителя. Никогда!

Я посмотрела вокруг. Рядом стояли люди, знакомые и нет, и мне казалось, что они чувствуют то же – никто из нас не предаст Христа.

«Вечери Твоя Тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими: не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем», – пели в храме. И мы все были там, на той Вечери, рядом с Христом. Мы молились, крестились и были собраны, как никогда...

– Оно и видно, что больной, – вдруг по благоговейным рядам прошло какое-то волнение. Что-то «кинородное», несоответствующее моменту появилось на нашей со Христом вечере.

К алтарю пытался пробраться какой-то мужчина. Лысый, худой, со странно-горящими глазами.

Кто-то молча пропускал, как будто и не замечая его острых локтей, потому что был весь ТАМ – со Христом. Кто-то удивленно смотрел. Кто-то раздраженно шипел: «Имейте совесть, вы мешаете людям молиться!»

– Мне надо в алтарь! Мне очень надо! – повторял мужчина и пробирался вперед.

«Надо же, сумасшедший какой-то, – мелькнуло у меня в голове. – Ну да, такие часто туда ломятся. Особенно на Страстной».

Мы, стоящие впереди, теснее сомкнули ряды перед его носом.

– Пожалуйста, пропустите, – просил он и из последних сил пытался прорваться. – Мне надо исповедаться.

– Исповедь закончилась! Надо вовремя приходиться! – строго сказала какая-то бабулька и, умиленно посмотрев на икону, перекрестилась.

– Нельзя в алтарь! – квакнула я и, встав перед дядькой, решила, что умру, но не благочестия не допущу.

– Не толкайте меня, я больной, я сейчас упаду, – простонал мужчина, обращаясь к кому-то.

– Оно и видно, что больной, – ехидно раздалось откуда-то сзади.

– Подумаешь, задела его слегка, – донеслось сбоку.

«Вот хам, – подумала я. – Захожане, что с них взять!»

И еще сильнее и благочестивее вросла в пол.

В этот момент из боковой двери алтаря, перед которой все это происходило, вышел один из священников.

«Ну, сейчас он ему устроит, – потеряла я про себя руки, – раз нас не слушает», облегченно перекрестилась.

Но бабушка посмотрел на него, и, протянув руку, вырвал из нашей толпы. А потом обнял за плечи и, отведя чуть в сторону, начал исповедовать.

Из двери выглянул другой священник и через несколько секунд вынес странному дядьке стул.

Мы, благочестивые прихожане, удивленно переглянулись.

«Чудо крутое что ли?» – было написано у нас на лицах. Да нет, не похож. Неказистый слишком.

– Да это же N! – всплеснула руками одна старушка.

Я пригляделась. Да! Это был N. Раньше он был постоянным прихожанином и даже вроде кем-то работал в храме. Мы мало общались, но я знала его в лицо. А потом N заболел онкологией и на какое-то время исчез. Он так изменился, что в тот день мы его не узнали.

– Надо же, еле сидит, а пришел в храм, – прошептал кто-то, знающий мужчину...

Мне было видно N. Бледный и слабый он, действительно, еле сидел на стуле, вздыхал и вытирал лицо. Было видно, что держится он из последних сил. Но пришел, хоть и опоздал.

Я вспомнила, как он просил пропустить, туда, вперед, к Богу. А мы дружно сомкнули ряды. И задохнулась от стыда.

Я видела, как просветлело его лицо, когда он причастился. Потому что он шел ко Христу и успел! И как улыбнулся мне потом. И чуть не разрыдалась...

Я хотела опять почувствовать, что мы все ТАМ – на той Вечере, с нашим Спасителем. И не могла. Нас там не было. Что-то «кинородное» прошло по нашим рядам. И исчез Бог из наших сердец. Там были пустота и склоки. И мы просто стояли в храме.

Я думала о том, что я не Иуда и никогда не предаю Христа. Я обязательно увижу Его в любом человеке – в ближнем, в дальнем, приятном и неприятном. И знала, что это не так. Что я опять оттолкнула, не поверила, не пожалела, и не предательство ли это?

Я хотела написать что-то светлое. Что пост прошел не зря и воскресло сердце мое... Но воскресло ли оно?

Елена Кучеренко

Издаётся
миссионерским отделом
Армавирской епархии
Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)

Миссионерский листок
Свято-Троицкого собора г. Армавира
№2/2022 год

Раздаётся бесплатно

НЕ ХЛЕБОМ ЖИВНЫМ

ВО СВЯТОЙ ТРОИЦЕ!

На пятидесятый день после празднования Пасхи – светлого Воскресения Христова – православные христиане празднуют День Святой Троицы, или, как его еще называют, День Пятидесятницы. Как и праздник Пасхи, Пятидесятницу установлением Божиим праздновали еще в Ветхом Завете. Но промыслом Божиим так устроено, что Ветхий и Новый Заветы неразрывно связаны между собой. Святое писание, через которое дает нам возможность постигать Его, говорит, что все события Нового Завета, история пришествия, жизни, страданий, смерти и Воскресения Иисуса Христа, есть не что иное, как реальное воплощение пророчеств Ветхого Завета. И совпадения по датам важнейших Ветхозаветных и Новозаветных праздников и событий не случайны.

Ветхозаветная Пасха повелением Божиим праздновалась древними евреями в память об освобождении их Господом из египетского рабства. Бог повелел евреям приносить в этот день в жертву непорочного агнца (ягненка без пятна и порока).

Новозаветной Пасхой для нас стал Сам Спаситель, Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, Святой и не имеющий никакого греха, принявший мучения, распятый при Понтийском Пилате и воскресший в третий день на праздник Пасхи. Он Сам стал жертвой и освободил нас от рабства греха и смерти ради жизни вечной. Он принял на Себя грехи всего человечества «...дабы каждый, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

Ветхозаветная Пятидесятница праздновалась евреями в память Синайского законодательства и была праздником «приношения начатков плодов», в который иудеи того времени обыкновенно посвящали Господу первые снопы жатвы. «Семь седмиц отсчитай себе; начинай считать семь седмиц с того времени, как появится серп на жатве; тогда совершай праздник седмиц Господу, Богу твоему, по усердию руки твоей, сколько ты дашь, смотря по тому, чем благословит тебя Господь, Бог твой» (Второзаконие 16: 9,10).

В пятидесятый день после Воскресения Иисуса Христа, в день великого праздника Пятидесятницы, все апостолы вместе с Божией Матерью и другими учениками Христовыми и прочими верующими единодушно находились в одной горнице в Иерусалиме. Они «пребывали здесь в молитве и молении», помня повеление Иисуса, которое он дал им перед своим Вознесением: «Не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым... вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деяния 1: 4,5,8).

О том, что Он должен будет уйти и после Его ухода должно произойти нечто необыкновенное и важное, Иисус говорил Своим ученикам еще во время Тайной Вечери: «Дети! Недолго уже быть Мне с Вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я иудеям, что, куда Я иду, вы не можете придти, [так] и вам говорю теперь. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять потому, что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет. Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что я говорил вам. Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается».

Вы слышали, что Я сказал вам: “Иду от вас и приду к вам”. И вот, Я сказал вам [о том], прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется» (Евангелие от Иоанна 13:33, 14:16-20, 26-29).

И вот этот день и час настал. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где находились апостолы с Борородицей. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почил по одному на каждом из апостолов. И исполнились апостолы Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать (Деяния 2: 2-4).

Находившиеся в это время в Иерусалиме «иудеи, люди набожные», пришли в смятение. Они были «из всякого народа под небом», т.е. прибыли в Иерусалим из разных мест. Услышав шум, они собрались и недоумевали. «...Ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: Сии говорящие не все ли галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились?» (Деяния 2: 6-8). Они изумлялись, слыша апостолов, говорящих на их собственных языках о великих делах Божьих. «...И, недоумевая, говорили друг другу: Что это значит?» А иные, насмехаясь, говорили: «Они напились сладкого вина» (Деяние, 2: 12,13). Тогда апостол Петр, став с прочими одиннадцатью апостолами, сказал: «Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня; но это есть предреченное пророком Иоилем: И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих, в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать» (Деяние, 2: 15-18).

Петр говорил и о пророчестве их праотца Давида, которому «...Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его» и которому «Он прежде сказал о воскресении Христа, что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления. И теперь воскресший Христос, «быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца

обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите». Петр приводил слова пророков, т.к. иудеи бы люди набожные, хорошо знали Писание и только так можно было убедить их в действительности происходящего. Речь апостола Петра, исполненного Силой Святого Духа, так подействовала на людей, что «они умилились сердцем» и спросили: «Что нам делать, мужи, братия?» Петр ответил им: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш» (Деяние 2: 36).

Охотно принявшие слово его и уверовавшие во Христа «крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч». Так начало устраиваться на земле Царство Божие, т.е. святая Церковь Христова. Со дня сошествия Святого Духа вера христианская стала быстро распространяться при помощи Божией по всему миру. Первоначально апостолы проповедовали евреям, а потом разошлись по разным странам для проповеди Святого Евангелия «по всему лицу земли». Число верующих в Господа Иисуса Христа с каждым днем увеличивалось. Наученные Святым Духом, апостолы смело проповедовали всем об Иисусе Христе, Сыне Божием, о Его страданиях за нас и воскресении из мертвых. Господь помогал им великими многочисленными чудесами, которые совершались через апостолов именем Господа Иисуса Христа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви. И по сей день та благодать Святого Духа, которая была явно преподана апостолам в виде огненных языков, теперь подается в нашей Святой Православной Церкви невидимо – в её святых таинствах, через преемников апостолов – пастырей Церкви: епископов и священников.

Триединство Божества было открыто людям ещё во времена Ветхого Завета в явлении трех ангелов. Но именно со дня сошествия Святого Духа на апостолов раскрылось миру само действие всей Пресвятой Троицы и люди научились прославлять три лица единого Божества: Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Леоид Федорович Дмитриевский (Дмитриевский)

В истории Православия Армавира есть человек, которого по праву можно назвать легендарной личностью. Он неразрывно связал собою судьбы двух главных храмов города: Свято-Никольского, в котором он служил до его закрытия и разрушения, и Свято-Троицкого, который его же трудами был заложен, а позже восстановлен. Это почетный гражданин Армавира, священник в шестом поколении отец Леонид Федорович Дмитриевский.

Вера, подвижничество и бескорыстная жертвенность отца Леонида помогали людям в самых тяжелых обстоятельствах. Церковный староста храма так говорил о нем: «Священник Дмитриевский совершенно не думает о личной жизни. Служит до изнеможения, были случаи, когда падал [в обморок]. О пище не беспокоится. Он никогда не требует денег за требы, а из получаемых много раздает нуждающимся. Он – настоящий святой». Кроме того, он обладал удивительным даром воздействия на людей. В 1918 году городской ревком арестовал отца Леонида, однако из-за начавшихся народных возмущений был вынужден не только отпустить его из заключения, но и оправдать на суде. «Почти весь город следил за ходом моего дела, [население] охраняло меня и только этим я объясняю, что большевики, испугавшись толпы, вынуждены были меня выпустить», – говорил сам священник. Но он боролся не за красных или белых, а за человека. После прихода Добровольческой армии в Армавиру и его окрестностях осталось много раненых красноармейцев. Отец Леонид активно выступил в их защиту, взывая к христианской совести населения, устраивавшего несанкционированные самосуды над большевиками. Следуя заповеди Спасителя «любите врагов ваших, благословляйте

проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас», отец Леонид оказывал материальную помощь семьям убитых и плененных большевиков. При этом священник не разделял большевистских убеждений. По свидетельству его правнучки, И.Погореловой, «добившись приема у Деникина, отец Леонид убедил его проявить милосердие к несчастным, поступить по-христиански. Горожане забрали находящихся в подвалах людей по своим домам для ухода и лечения».

Трагедия гражданской войны не обошла отца Леонида. В 1919 году красногвардейцы зарубили саблями его брата Григория Фёдоровича, священника Покровской церкви села Соломенское Ставропольской Епархии. В том же году опасение за жизнь детей, страх их потерять подкосили супругу отца Леонида, Веру Васильевну, и она умерла от сердечного приступа.

Шесть раз отца Леонида арестовывали. Так получалось, что аресты совпадали с великими церковными праздниками, и за армавирским священником поднимались массы прихожан и сочувствующих церкви. В 1935 отца Леонида осудили и сослали в ссылку. В 1938 году он вернулся в город, ставший для него родным.

Так же неотделимой от судьбы народа была судьба священника в годы Великой Отечественной войны. Неугасима в сердцах людей память о его действиях в период тяжелых испытаний. С августа 1942 года (начала периода оккупации Армавира) отец Леонид в своих проповедях, как вспоминали прихожане, постоянно проводил мысль о необходимости отдать жизнь за други своя, напоминая, что злейшими врагами нашей

Родины являются немецкие оккупанты. Прихожане Свято-Троицкого храма вспоминали, что одно обращение отца Леонида помогло в короткий срок собирать пожертвования на нужды фронта. Люди, проникшись его словами, отдавали самое ценное в тяжелое и голодное время. «“Мои дорогие! Вот нашим братьям на фронт понадобился самолет”. – И собрали на самолет. “Вот надо бы нам ещё и на танк собрать”, – собрали и на танк. Просто, от души сказанное действует на людей. И кто чем может, помогает. Себе он ничего никогда не брал».

Э.В.Землякова рассказывала: «У отца Леонида на войне погиб сын. Похоронку принесли прямо в алтарь. Когда запели “Христос Воскресе” – ему и вручили эту похоронку. Никто из нас не заметил, что случилось такое несчастье, настолько отец Леонид был выдержан. И только потом все узнали».

«Ничего он не нашёл за свою жизнь, – продолжает воспоминания прихожанка. – Его окружали хорошие люди, атмосфера была очень добрая. Бессребренничество, сострадание ближнему сочеталось с христианской убежденностью в величии родного народа, незыблемостью убеждений. Ничто не могло поколебать его взгляды и Веру. Даже несправедливость новой власти как к русской церкви в целом, так и к судьбе его семьи и его самого».

Уже после Великой Отечественной войны, служа в Свято-Троицком храме Армавира, Леонид Дмитриевский сделал всё, чтобы единственный православный храм города сохранился. После восстановления церкви его же трудами был создан церковный хор, произведена роспись храма. Дело это продолжили другие священники. Но в памяти прихожан фигура отца Леонида занимает особое место.

Неудивительно, что неординарная личность Леонида Федоровича Дмитриевского произвела неизгладимое впечатление на великого русского художника Михаила Васильевича Нестерова, который волею обстоятельств оказался в самый драматический период как собственной жизни, так и судьбы страны в Армавиру. Гражданская война, голод, разруха, болезни, крушение идеалов и жизненных устоев сломили в этот период многих. Духовной опорой и поддержкой художнику стал армавирский священник отец Леонид. Его простота и обаяние, искреннее служение Богу и любовь к людям воодушевляли русского художника. «Леонид Федорович привлек меня своей тонкой душевной организацией и выразительной внешностью,

ликом русского Христа», – вспоминал позже Нестеров. Ко дню Ангела отца Леонида Нестеров написал акварель «Покров Богородицы», повторяющую надалтарную роспись Покровского храма Марфо-Мариинской обители Москвы, созданную художником в 1908–1911 годах.

Этюды, наброски, сделанные в Армавиру, легли в основу будущих картин художника. Это «Странники», «Путник», «Пророк», «Страстная седмица». По возвращении из Армавира в Москву, в 1921–1922 годах, Михаил Васильевич создает галерею образов Спасителя, идущего по свету в виде странника-богомольца. С каждого холста цикла «Путники» на нас смотрит отец Леонид Дмитриевский. Показательно, что каждый из этих холстов создавался в небольшом формате, что диктовалось временем: в случае обыска полотна помещались за спинкой дивана и их могли не заметить. «У каждого свои “пути” к Богу, своё понимание его, свой “подход” к нему, но все идут к тому же самому, одни только спеша, другие – мешкая, одни впереди, другие позади, одни радостно, не сомневаясь, другие серьёзные, умствуя», – писал художник о содержании картины (Письмо А.А. Турьгину, 1921).

В цикл «Путники» вошли позже уничтоженные художником картины: «Пророк», «Священник в белой рясе» и знаменитая «Страстная седмица», законченная в 1932 году – написанный в Армавиру этюд к ней до конца жизни хранила дочь художника Наталья. В облике священника на картинах также безошибочно узнается Леонид Федорович Дмитриевский.

Заглавную идею цикла «Путники» художник продолжил картиной «За Волгой», написанной в 1922 году. Михаил Нестеров так объяснял замысел полотна: «Я избегал изображать так называемые сильные страсти, предпочитая им наш тихий пейзаж, человека, живущего своей внутренней жизнью в объятиях матушки-природы».

В другом варианте «Странников» (1922 год) рядом с путником изображена девушка-крестьянка, смиренно несущая свой груз смонетий и тревог на пути искания Бога.

Фрагмент одного из вариантов картины «Странники» с изображением о. Леонида хранился до 1980 года в семье Дмитриевских. Сама картина была уничтожена Нестеровым, а изображение о. Леонида художник вырезал из полотна и передал отцу Леониду через их общего знакомого, учителя рисования Жукова, приехавшего к Нестерову в Москву в конце 30-х годов.

Годы, разделяющие два документа (фотография пожилого уже священника и фрагмент вырезанного полотна) не уведят от сознания идентичности двух обликов. Сохранение фрагмента картины самим художником – свидетельство того особого отношения к отцу Леониду, которое сохранилось у Михаила Нестерова на всю жизнь. Спасаясь от преследования новой власти, художник не смог поднять руку на того, кто своим подвижничеством стал «живым воплощением Христа на земле». Даже в преклонном возрасте фотографии отца Леонида удивительным образом совпадают с художественным его изображением на полотнах Нестерова.

Один из рисунков Михаила Васильевича со своим изображением отец Леонид подарил прихожанке Троицкой церкви. В 2012 году потомки этой прихожанки передали рисунок семье Дмитриевских.

Сегодня из картин М.В. Нестерова с изображением отца Леонида можно увидеть лишь «Страстную Седмицу», находящуюся в Церковно-археологическом кабинете Московской Духовной Академии (Сергиев Посад). Остальные хранятся в запасниках музеев и частных коллекциях.

Именно о «Страстной Седмице» Нестеров писал: «Работаю одну вещь, задуманную лет 14 назад. Работаю с увлечением. Такую напишу, какую ты, как говаривал Иван-натурщик, “во щих не хлѣбывал”...» В 1933 году художник сообщал: «Кончил картину, что носил во чреве своем с 1919 г.».

После отъезда Михаила Васильевича из Армавира его отношения с отцом Леонидом продолжились в переписке (изъята при аресте Л.Ф.Дмитриевского в 1935 году). Един-